

ПОСЛЕДНИЙ ЯКОРЬ ИДЕНТИЧНОСТИ. СОВРЕМЕННЫЕ ОЛЕНЕВОДЫ НА ЧУКОТКЕ

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА АНИЧКОВА

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

***Аннотация.** Статья посвящена современным чукотским оленеводам в контексте изучения идентичности чукотского народа. На протяжении последнего столетия политика государства в арктических регионах оказывает мощное воздействие на образ жизни коренных народов Севера, определяя необходимость адаптации к новым условиям и в значительной мере хозяйственно-экономические практики и социокультурные перспективы. Разрушительными оказались преобразования послевоенных лет (конец 1940 — первая половина 1960 гг.), когда оленеводов заставили войти в колхозы и совхозы, поголовье оленей национализировали, кочевников принудительно перевели на оседлый образ жизни, а детей изъяли из семей и переместили в школы-интернаты. Несмотря на бедствия, происходившие после слома традиционной системы оборота пастбищ и маршрутов перекочевок оленьих стад, а также курса на резкое увеличение поголовья оленей, обусловивших тяжелейший кризис, опытные оленеводы сохранили чукотское оленеводство в годы советской власти и спасли его от еще более сокрушительного кризиса в условиях новой рыночной экономики. Сегодня немногие чукчи сохранили преемственность прежних форм хозяйственной деятельности — тундрового оленеводства. Они до сих пор входят в совхозы и пасут не принадлежащих им оленей. Именно этих людей чукчи считают «ядром» своего народа.*

***Ключевые слова:** современные оленеводы на Чукотке, адаптация к среде обитания, трансформация культуры, ценностные ориентации, этническая идентичность.*

***Дата поступления статьи:** 19 мая 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 июня 2019 г.*

***Для цитирования:** Аничкова О. М. Последний якорь идентичности. Современные оленеводы на Чукотке // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 2. С. 36–49.*

***DOI:** 10.26158/TK.2019.20.2.003*

...терпением вашим спасайте души ваши.

От Луки 21:19

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Работа, положенная в основу этой статьи, была начата под впечатлением от двух встреч с потомственным чукотским пастухом-оленеводом, зоотехником, инженером-механиком, режиссером-кинодокументалистом и общественным

деятелем — Владимиром Владимировичем Пуя, который побывал в Москве в 2017 г., выступал с докладами в Институте этнологии и антропологии РАН и Российском государственном гуманитарном университете, показывал свои проникновенные фильмы о чукотских

оленеводах. Мы многократно с ним беседовали, а в дальнейшем переписывались. Затем была сделана серия глубинных интервью с рядом других носителей чукотской культуры, приехавших в Москву, а также был привлечен солидный комплекс опубликованных источников и этнографических исследований, посвященных жителям Чукотки. И наконец, один из моих коллег, С. Ю. Терешков, любезно предоставил для исследования свои полевые материалы, собранные на Чукотке в 2018 г. Таким образом, не имея возможности вести экспедиционную работу, автор все же получила немало достоверных данных, что называется, из первых рук, а кроме того, использовала классические методы кабинетных этнографических исследований, которые в нашей стране имеют весьма глубокую традицию.

Перепись 2010 г. определила численность чукчей (или, по крайней мере, тех, кто себя так именуется) в 15 908 человек, что совсем не мало для Северо-Восточной Сибири. Это один из самых крупных народов, официально причисляемых к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. В Чукотском автономном округе проживают 11 498 чукчей [Опарин 2012, 203]. Но немногие современные чукчи сохранили преемственность прежних форм хозяйственной деятельности — тундрового оленеводства. Численность чукчей-оленевонов В. В. Пуя оценивает в 900 человек, именуя их ядром чукотского народа (на самом деле их не более 850 человек [Российская Арктика 2016, 176]). Все они до сих пор входят в совхозы и пасут не принадлежащих им оленей.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Каждое крупное событие нашей истории наносило удары по сбалансированной хозяйственной системе оленеводов Чукотки и по устоявшимся стилям жизни их сообществ. Однако тундра оставалась долгое

время пустынной и доступной только для кочевников, которым было куда скрыться от притеснений властей и которые превосходно умели это делать. Разрушительными оказались лишь преобразования послевоенных лет (конец 1940-х — первая половина 1960-х гг.).

«Оленей отобрали <...> Кочуем теперь. <...> При наших же оленях, только как наемники. Раскидало наш большой народ по всей нашей земле, перемешались люди, потерялись связи...» [Пуя 2015а]. Это слова очень старой женщины, сказанные на одном из стойбищ. Ее уже нет в живых. Она емко охарактеризовала последствия коллективизации, создания колхозов и совхозов, национализации поголовья оленей, принудительного перевода кочевников на оседлость, переселения множества людей в поселки и дома, изъятия детей из семей и перемещения их в школы-интернаты и т.д. Все это многократно описано в литературе, научной и иной.

С началом холодной войны Чукотка оцетинилась военными базами и покрылась запретными зонами — территориями, которые последовательно «освобождались» от оленеводов, осваивавших их «из рода в род»¹. Оторвав людей от родной земли навечно, их размещали в поселках, совершенно не сообразуясь не только с глубокими хозяйственными традициями, но и со структурой родственных территориальных связей — чужие среди «чужих» и на «чужой» земле.

«Село² Конергино (Иультинский район, Чукотский АО) <...> было образовано путем слияния множества мелких стойбищ и селений приморских чукчей. С середины 1950-х годов в Конергино принудительно начали собирать кочевых оленеводов <...>. Тех, кто не желал уходить из родных мест в приморский поселок, оставляли в тундре: с их жилищами, без оленей, предварительное уничтожить нарты. <...> Оставшиеся зимовать погибли там, от голода и холода <...> Вот тогда и ломалась старая

¹ На Чукотке, в повседневном быту, русское слово «род» широко используется. Однако оно подразумевает совсем иные родственные структуры, чем те, которые профессиональные социальные антропологи именуют родом. Структуры эти весьма сложны, и их описанию здесь не место.

² Как известно, в отечественной традиции селами называются только те сельские поселения, в которых есть церковь. До недавнего времени в большинстве чукотских поселков церквей не было, православие среди них не получило сколько-нибудь значительного распространения. Но слово «село» применительно к их поселкам широко используют и сами чукчи, и все остальные жители Чукотки.

стройная система жизни кочевников Чукотки» [Пуя 20176]. «Послушайте! Здесь была пограничная территория. Нужно было железный занавес закрывать. Железный занавес — это не что-то виртуальное, это был реально железный занавес. Здесь стояли крупные воинские подразделения, и здесь, на внутренних территориях, шарахались люди, которые не подчинялись советской власти. И с ними обошлись очень жестко: расстреляли. <...> Создали мощные совхозы, чтобы контролировать кочевников. Это и явилось причиной того, что сейчас среди оленеводов нет частных» [Там же].

Оленеводство заключили в жесткие государственные рамки, поселки стали колхозами или совхозами, из числа их жителей формировались бригады пастухов и чум-работниц (или хозяек яранги), которые отправлялись со стадами в тундру. Тундру, где допускалось оленеводческое кочевание, разделили на отдельные участки, относительно крупные в длину и относительно небольшие в ширину. Каждой бригаде отводился такой участок, кластер. Границы его нарушать строго запрещалось. Оленей тоже нельзя было выпускать за пределы установленной для бригады территории. Нечего и говорить, что все это размежевание велось без учета качественных характеристик земли, отведенной под пастбища.

Вообразить себе многотысячное оленье стадо, запертое в кластеры-пеналы и притом прекрасно себя чувствующее, едва ли возможно. Любой выпас, как и любой промысел присваивающего хозяйства, есть процесс творческий и полностью наперед непредсказуемый. «Представьте кластер, чтобы вы поняли, что случилось с кочевниками. Северные чукчи не могли уйти на юг зимой, а южные не могли уйти на север летом. Летом на юге очень жарко, огромное количество гнуса, нет летних кормов (олени не могут летом ягель кушать) и т.д. Из-за запретов они не могли уйти на север. А северным пришлось остаться на ледяных пустынях, они не могли уйти на юг, хотя там зимой оставаться нельзя — это гололед, это пурги, олени там не выживают. Это и определило спад кочевой культуры» [Там же].

Хотя в тот период чукотское оленеводство понесло непоправимый урон, люди

тундры все же нашли в себе силы и выработали средства спасти оленей и свои хозяйственные традиции от полного уничтожения. Это был беспримерный подвиг. «Дело в том, что в кочевой культуре не только чукчей, но и многих оленеводческих народов есть огромный запас прочности, иначе они не выжили бы на этих территориях. <...> У северных кочевников олени зимой худели, но все-таки выживали, они их, практически каждого, обогревали, летом уже набирали вес, наживывались. А южным кочевникам летом удавалось находить такие пастбища, чтобы хотя бы чуть-чуть обдувал холодный воздух, так как олени просто парились в своей шубе» [Там же].

Любая власть ревниво относится к своим властным полномочиям и не склонна допускать конкуренции, а уж к советской власти тех времен это относится более чем к какой-либо другой. Любой, кто обладает авторитетом у людей, за кем люди признают властные функции, не вписывающиеся в государственное право, за кем идут добровольно — потенциальный враг. Иного состава преступления и не требовалось для расправы с шаманами, старейшинами, главами крепких семей, владельцами крупных хозяйств и т.п. «Арестовывали реально крупных оленеводов, собирали их в Анадыре, кораблями увозили в Находку, в Магадан. Все мои деды оказались там. Двое из них вернулись, двое пропали. Это коснулось всех хозяев стад, всех хозяев стойбищ. Они считались кулаками, порабитителями. Но реально это были хозяева, которые отвечали за народ, за своих людей. <...> Это довольно мощная прослойка была. Сейчас это откликается на инициативе народа» [Там же]. И все же спонтанное, неформальное лидерство не удалось подавить полностью.

«В 1960 годах Советская власть изменила жизнь оленеводов и морских охотников к лучшему. Тогда в тундре построили много перевалбаз, домиков на маршрутах, привезли много техники. Государство потратило очень много средств. Люди в тундре стали жить лучше, перестали нуждаться, стало легче работать. Многие оленеводы перестали жить в ярангах, переселились в домики. Многие оленеводы перестали кочевать на оленях, стали перевозить яранги на технике. Сейчас понятно, что благополучие оленеводов

давалось большой ценой. Когда кончилась Советская власть, у оленеводов наступили плохие времена. Новая Россия перестала помогать оленеводам. Без помощи со стороны государства оленеводам Чукотки стало тяжело. От 500 тысяч оленей осталось менее 100 тысяч. Из 220 стойбищ осталось только 65. Выжили в основном те, кто не бросил свои яранги и перевозил их на оленях. Жить по-старому оленеводы стали вынужденно. Это единственный способ выжить, когда не хватает средств» [Пуя 2015б].

По современным данным в тундре Чукотки примерно 90 тысяч оленей и 60 бригад пастухов. В них остро не хватает молодых крепких мужчин и остается все меньше и меньше женщин. «Женщина ушла из тундры», повторяет на Чукотке чуть ли не каждый.

В настоящее время в оленеводческих бригадах, насчитывающих, как уже упоминалось, примерно 850 человек, всего 200 женщин, да и они стремятся проводить в тундре не слишком много времени. Женщина не хочет больше просыпаться первой и вставать в четыре утра, чтобы разжигать очаг в яранге и кипятить чайник. Она не хочет больше ложиться последней, чтобы вечером поставить на ночь опару для лепешек. Женщина не хочет следить за жилищем и скарбом, шить и чинить одежду. Она хочет тепла, уюта, досуга, общения с другими женщинами. Она хочет быть рядом с детьми, которые учатся в поселковых школах-интернатах. Женщина не только сама стремится уйти из тундры, но и уводит оттуда своего мужа и братьев (см., например: [Лярская 2010]). А мужчинам без женщин очень плохо. «Пастухи есть. Молодежь, как бы что ни говорили, в тундру идет и идти готова, но без габ мужику в тундре не жизнь. Можно год-два поработать оленеводом, но не всю же жизнь холостяковать?!» [Басов].

К тому же современная российская правовая система решительно не способствует тому, чтобы женщина оставалась в оленеводческой бригаде. «По законодательству женщинам работать в тундре нельзя. Условия труда, которые им надо обеспечить, у кочевников нет. Любой директор, любой зоотехник ходят под статями из-за того, что они позволяют женщинам уезжать в тундру. <...> Мы не

имеем права перевозить детей в тундру на гусеничном и снегоходном транспорте, а это основные перевозки. У нас нет денег нанимать вертолет. <...> И любая перевозка детей в тундру становится уголовно наказуемым действием» [Пуя 2017б].

Но все-таки люди в тундре есть.

АДАПТАЦИЯ К ТУНДРЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

«Вот она — квинтэссенция городской западной цивилизации: мощь миллионов моторов, широта людских потоков, удобство, комфорт и необъяснимый драйв. <...> И даже мне, чукче, выросшему в тундре и побывшему здесь (в Москве. — О. А.) всего один месяц, трудно себе представить, что где-то там далеко есть другая жизнь. Жизнь трудная, тяжелая и непонятная городским жителям» [Пуя 2015а].

Несмотря на то что традиционная оленеводческая культура чукчей претерпела в течение минувшего столетия колоссальные изменения, причем дважды — поистине трагического свойства, современные оленеводы сохраняют некоторые устойчивые культурные и социальные механизмы, выработанные их предками и абсолютно необходимые для жизни в Арктике. В одной из бесед с В. В. Пуей эмоционально и с досадой прозвучали следующие его слова: «Помнишь “Семеро смелых”? Они там зимой выживают, они смелые, они герои. А рядом чукчи живут — дети природы, и нормально. О чем фильм? Это взгляд человека западной цивилизации...» [Пуя 2017б]. Действительно, главные герои кинокартины проявляют недюжинное мужество, героизм в преодолении выпавших на их долю трудностей и опасностей во время полярной зимовки. Но то был постановочный художественный фильм [Герасимов 1936], в котором показана всего лишь одна зимовка. А у каждого из чукотских тундровиков таких арктических зимовок — десятки за жизнь, и посуровой показанной с экрана.

«Оленеводы, вопреки всякой логике, в максимальной заботе об олене, подвергают себя лишениям, буквально балансируя на грани выживания <...>, непонятно зачем, в ущерб себе...» [Пуя 2017б].

В хрупкой экологической системе арктической тундры чукчи не приспособили оленеводство к укладу своего хозяйства, а подчинили ему уклад своей жизни:

культуру и быт. И даже сегодня, когда, казалось бы, «*рассматривать оленеводство вне поселков смысла нет*» [Терешков 2018], уклад жизни чукотских пастухов подвластен этому производственному процессу. Человек многим жертвует ради оленя, который является безусловным приоритетом (ср. название книги, изданной под редакцией Н. И. Новиковой, — [«Олень всегда прав», 2003]).

Характер взаимодействия оленеводов со средой во многом определяется их кочевым образом жизни: «*Очень часто я слышу: к чему все эти лишения, зачем оленеводы подвергают себя таким испытаниям и трудностям? А по-другому никак не получается. Кормовая база оленя очень скудна на Севере. Чтобы прокормить крупное стадо, надо передвигаться круглый год по обширным территориям. И долго на одном месте стоять нельзя. Иначе можно испортить очень тонкий слой растительности*» [Пуя 2017б].

Крупное стадо, о котором говорил наш собеседник, — результат колоссальной работы по формированию породы оленей и совершенствованию технологии их выпаса. Чукчи создали чукотскую мясную породу северных домашних оленей, адаптированную к крупностадному (более 3000 оленей в стаде) выпасу и круглогодичному пастбищному содержанию в крайне неустойчивой экологической системе арктической тундры (см.: [Помишин 1990, 120–121; Задорин 2008, 69–71] и пр.).

В то же время крупностадное оленеводство есть форма адаптации самих чукчей к арктической среде, отличавшаяся в сравнении с другими формами традиционного жизнеобеспечения тундровой зоны наибольшей устойчивостью и экономической продуктивностью [Крупник 1989, 29].

Как уже указывалось, в годы советской власти на смену относительно устойчивым демографическим и хозяйственным коллективам — семьям и стойбищам оленеводов, как правило, связанным узами родства или свойства, а также традициями кооперации и взаимопомощи, — пришли оленеводческие бригады. В настоящее время они представляют собой довольно разнородные, не вполне стабильные производственные коллективы. «*В досоюзные времена стойбища назывались по имени владельца. Совхозная организация*

“культ личности” отменила и присвоила бригаде (стаду), порядковый номер. В Провиденском районе осталась одна смешанная бригада, состоящая из представительных разных совхозов из разных поселков. Поэтому в этой бригаде много оленеводов и сразу два бригадира. В “нашей” бригаде — три семейно-родственных центра: две яранги и дом. Обитатели этих жилищ распределились сообразно семейно-родственным связям и месту прописки по паспорту: Янракыннот, Сиреники, Нунлигран. Как и у всех людей, живущих в замкнутых сообществах, в бригаде между ее обитателями есть симпатии и антипатии, берущие свое начало как от места происхождения (разные села), так и бытового характера. Бытовуха — она и в тундре бытовуха. Но скандальность не является характерной чертой чукотского общества (по крайней мере тундрового). Долгое совместное сосуществование выработало тундровый этикет, при котором личностное общение никак не должно влиять на жизнь в экстремальных условиях и на производственный процесс (оленеводство)» [Басов].

Как пронизательно отметил О. В. Куваев: «*Высшая добродетель в тундре — терпение...*» [Куваев 1980, 103]. Чукчи-оленеводы в среднем физически не сильнее русских, татар или коми-пермяков (жителей умеренного пояса), в тяжелой работе могут устать даже скорее, но переносят ее очень стойко, как, впрочем, и холод, голод, отсутствие сна. «*Подобрали у дороги четверых пастухов с нагульного табуна. Несколько дней безрезультатно они искали в горах свой табун и пастухов. Не было еды, не было палатки (в октябре — О. А.)*» [Шапран 2010]. «*Я всегда поражался, с какой скоростью оленеводы восстанавливают силы. Совсем недавно, ночью, люди без сил падали на шкуры, а уже на рассвете бегают, как ни в чем не бывало*» [Пуя, 2015а].

«*Тундра не любит слабых*», — читаем мы в заглавии книги В. И. Любовцева и Ю. Б. Симченко [1968]. «*Север не балует людей. Он требует от них полной отдачи душевных и физических сил*» [Слезкин 2008, 402]. «*Танкаю — 47 лет. <...> Он среднего роста, сухощав и поджар. Говорит, что его нормальный вес — под 70 килограммов, но сейчас он весит не больше 60 — пришлось голодать и много бегать*

за оленями <...>, в этом году каждому в его табуне пришлось работать за троих. Спрашиваю Танкая — сколько километров он проходит в день за оленями? Он говорит, что не меньше 50 (это с учетом полного отсутствия дорог, по тундре и по горам, минуя перевалы). Спрашиваю — сколько за год? Танкай смеется — наверное, весь земной шар огибаем» [Шапран 2010].

Движение в тундре — условие жизни: «Закончатся сутки, и пастухи вернутся в бригаду. В стадо отправятся сменщики. Они еще не успеют дойти до стада, как будут мокрые (от пота. — О. А.). От холода их спасет только движение. Потому что пастух (чауча) — это тот, кто постоянно ходит (бегает), так когда-то говорили старики. И они будут ходить, согреться, окарауливая стадо. Осенью — в дождь, зимой — в мороз, весной — под жужжание комаров» [Басов].

Вместе с тем — кто экономно тратит силы, тот делается «сильнее самого себя»: «Суровая жизнь отучает от бессмысленной суеты» [Слезкин 2008, 402]. Здесь уместно вспомнить о минимизации усилий и риска, которая впервые была отмечена социальными антропологами в качестве ведущей стратегии охотников и собирателей [Peterson 1993; Артемова 2018, 90]. «Ничего лишнего, громоздкого, никаких украшательств в жилище и на одежде — все подчинено задачам мобильности и автономности, как у спецназовцев или альпинистов» [Пуя, 2015а]. «Разделка оленья происходит быстро, но без суеты <...>. Каждый знает свое место и работает индивидуально, но все вместе делают одно общее дело. Минут через 15 “разобранный” олень уже лежит на шкуре» [Басов]. «Времени мало, работы много, кажется, что люди двигаются как-то замедленно. Но это иллюзия. На самом деле все движения отточены, выверены. Каждый знает свое дело» [Пуя 2015а].

Еще одно правило чукотских оленеводов: «Никогда не делать зряшной работы» [Пуя 2017б]. А что может помочь оленеводу напрасно не тратить усилия? Наблюдательность. «Наблюдательность и пытливость оленеводов — прирожденных натуралистов — лежат в основе многих интересных приемов управления стадом, которые позволяют свести к минимуму

затраты энергии во время дежурств» [Задорин 2008, 69].

«После нас хоть трава не расти / хоть потоп» — это не про людей тундры. Поскольку на Чукотке острый дефицит дров, постольку тундровики бережно собирают только «сушняк», хворост — «маленькими щепотками от кустов» [Пуя 2017б]. Живые ветки никогда не ломают. Даже если собранного хвороста много, расходуют его экономно: «Столько дров, сколько сжигает таежник за ночь, оленеводу хватит на неделю, а то и больше» [Басов]. «Электричество в тундре уже давно не диковинка. Бензиновый генератор, в простонародье “абэшка”, запускается по вечерам. Но бензин в тундре вещь дефицитная, поэтому он тоже используется рачительно и “засиделся за полночь при свете” в тундре не практикуется. Мир потребительства по-прежнему чужд тундровой жизни» [Там же]. «Сломанные вещи ремонтируются, а если не подлежат ремонту, используются не по назначению, но как материал для создания иных полезных вещей» [Там же].

Однако в настоящее время передача традиционных поведенческих стереотипов и ценностей новым поколениям становится все более и более затруднительной. Молодые чукчи, воспитанные в интернатах и выросшие под влиянием инокультурной среды, знакомятся с «культурой своего народа» не с первых лет жизни, как это было раньше у оленеводов, а уже во взрослом возрасте, когда жизнь вынуждает их идти в оленеводческую бригаду, где «минимум романтики, только тяжелая и непредсказуемая работа» [Шапран 2010].

Лишь немногие оставшиеся в живых старики знают, что значит прожить всю жизнь в тундре. Для них это — «смысл и основа обыденности» [Головнев 2009, 32]. А для большинства остальных работников оленеводческих бригад — отрезки жизни в тундре непременно сменяются периодами жизни в стационарных поселениях.

Чукотские оленеводы регулярно испытывают стрессы от резкой смены обстановки: «С детства мне бесконечное число раз приходилось сменять обстановку и каждый раз заново адаптироваться: тундра — школа, тундра — интернат, тундра — институт, тундра — армия,

тундра — поселок. Всякий раз, возвращаясь домой, в тундру, приходится “вспоминать” традиции оленеводов...» [Пуя 2017б].

А начинающие пастухи, наряду с изнурительной работой, сталкиваются еще и с тем, что: «*Дни в стойбище оленеводов — это дни сурка*» [Басов]. После «цивилизации» (интерната, города, поселка и пр.) «отрезанность» от «большого мира» и однообразие тундровой жизни воспринимаются особенно болезненно.

Далеко не все чукчи, происходящие из семей оленеводов, готовы связать всю свою жизнь с тундрой. Причинами здесь выступают тяжелые условия и неустроенность жизни. Порой молодые чукчи проводят в тундре лишь ограниченный срок — «между двумя вездеходами»: один, на котором они прибыли, другой — тот, которого они с нетерпением ждут, чтобы уехать и больше не возвращаться. Но, пока они вынуждены оставаться в тундре в ожидании вездехода, им приходится как-то жить, работать, «вертеться», и если «чувство тундры» — жизни и работы в ней — не проснется в молодом человеке, то порой он может сойти с ума или расстаться с жизнью, так и не дождавшись вездехода. «*К тундре же надо привыкнуть. Здесь все по-другому. Один молодой пастух поспешил с дежурства в бригаду. Но до стойбища так и не дошел. Когда его догнал сменщик, он стоял посреди тундры, орал, швырял камни, чуть ли не пытался стрелять. Ему казалось, что он оглох, что тундра — вакуумная, он начал сходить с ума...*» [Пуя 2017б]; «*Каждый год в тундре кто-то стреляется*»; «*Суициды в тундре молодые ребята совершают*» [Терешков 2018].

Современная социальная дезадаптация коренных жителей Чукотки и суициды как ее следствие многократно обсуждались в печати (например: [Гагарин 2008, 224–229; Опарин 2012, 205–217; Здоровье коренного населения Севера РФ 2013, 41–42, 72; Российская Арктика 2016, 192–193, 199] и пр.). Однако есть некоторые основания предположить, что в среде оленных чукчей самоубийства случаются все же реже, нежели среди чукчей, живущих в городах и поселках. Не раз доводилось слышать о том, что оленеводы утрачивают «стержень жизни», если распадается бригада и людям приходится расстаться

с тундрой навсегда и доживать свой век в поселке. Вот как охарактеризовал В.В. Пуя дальнейшую судьбу тундровиков, лишившихся своего профессионального дела — заботы об оленях: «*Многие оленеводы просто умерли в селах от пьянки. Когда их переселяют, то у них пять-шесть лет на то, чтобы дожить <...>. Кочевники недолго живут в селах...*» [Пуя 2017б]. К пьянству и алкоголизму их подталкивают эмоциональные и душевные смуты, связанные с ощущением бессмысленности жизни в поселках, где в самом «воздухе разлито страшное уныние». Слова «каждый год в тундре кто-то стреляется» означают, что это происходит раз в год, в стационарных поселениях таких случаев больше. Тяжелая работа в тундре может, как отбить желание жить, так и наполнить жизнь смыслом: «*Ковшик говорит, что не помнит, как приехал сюда, в поселке он пил, бесконечно и долго*» [Шапран 2010]. О другом пастухе тот же автор пишет: «*Я видел его в поселке перед отправкой в табун. Он был нетрезв, но просил не обращать на его состояние никакого внимания. В тундре я совсем другой человек! — говорил он мне. <...> Тундра лечит*» [Там же]. «*Полагаю, эти люди редко задумываются над вопросами “что такое жизнь?” или “зачем мы живем в этом бренном мире?”. Они просто живут, как жили до них их предки. Они не ищут ничего другого, ибо оно им не нужно. И, по-моему, они счастливы! А разве не это главное в жизни?!*» [Там же]

От собеседников нам доводилось слышать, что «ребенок до шести лет — царь и бог», а после — необходимо повиноваться старшим и чтить каждое их слово, которое «для всех закон». Молодые люди, попавшие в оленеводческую бригаду, начинают испытывать на себе «давление» старших. Это показано в документальных лентах В.В. Пуи «Ловкачи» [2012], «Обучение ездовых оленей на Чукотке» [2017а]. Это испытал на себе А.А. Казанков, старший коллега автора, работавший в 1980-е гг. среди оленных чукчей. Подтверждает это С.Ю. Терешков, проводивший полевое исследование на Чукотке в начале 2018 г. Это мы видим и в фильме А.Ю. Вахрушева «Книга тундры. Повесть о Вуквукае, маленьком камне» [2011]. Молодым приходится все время учиться и сносить укоры и насмешки старших.

Мало путем долгих тренировок, отрабатывая технику и формируя мышечную память, научиться кидать аркан — всю оставшуюся жизнь мастерство надо оттачивать, постоянно практиковаться, даже когда в этом нет необходимости. Правда, «в последнее время стало предостаточно ленивых оленеводов» [Басов], которые не только не совершенствуются в оленеводческих навыках, но упрощают или вовсе исключают из своей производственной и бытовой практики многие правила, некогда неукоснительно соблюдавшиеся. «Люди стремятся к упрощению и облегчению жизни. Современное чукотское стойбище оленеводов — яркое тому подтверждение <...> Нарты для оленьей упряжки выглядят, мягко говоря, несерьезно, кажется, что они развалятся уже при попытке на них сесть. Но хлипки на вид, по факту они очень прочны. Хитрость — в системе крепления деталей, большая часть конструктивных элементов нарт держится... на веревочках! Аутентичное крепление — кожаные ремни, но цивилизация вместе со смартфонами принесла в тундру и веревку. Поэтому оба этих крепления можно встретить в конструкции чукотской нарты <...>. Полозья, которые вырезаются из пластиковых труб. Прочные, скользкие, легкие и дешевые — идеальный материал для тундры» [Басов].

В чукотской тундре уже почти не встретить тех, кто использует оленей как транспорт, кочует и перевозит свои разборные жилища и скарб на оленьих упряжках, как это показано в фильме В. В. Пуи «Кочевники Восточной Чукотки» [2015]. Ездовые олени, нарты, яранги, торбаса и кухлянки, традиционная пища почти ушли в прошлое. Стада оленей в тундре теперь пасут люди, оснащенные в основном покупными вещами и питающиеся запасами, приобретенными в поселковых магазинах. Но кочевой образ жизни, вернее будет сказать кочевое природопользование, сохраняется, так как является непреложным условием взаимодействия с хрупкой экологической средой экстремальных северных широт. Оленеводы, которых, как уже говорилось, В. В. Пуя назвал ядром чукотского народа, и которые по сей день «как-то держатся» в тундре, могут быть названы еще и гениями терпеливой стойкости. Почему они это делают? Не потому ли, что твердо знают

(хотя и не озвучивают это), что иначе их ждет только одно — социокультурная катастрофа.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ОЛЕНЕВОДОВ

Находясь на краю ойкумены, человек часто становится жертвой бесконечных колебаний арктической среды. «Запас прочности» как необходимое условие выживания — главная ценность, невербализованная, но органично пронизывающая всю культуру чукчей. Их старинные поговорки «*Наша еда вокруг нас на ногах ходит*», «*Наша еда растет, пока мы спим*» [Крупник 1989, 85] красноречиво отражают надежность оленеводства как способа жизнеобеспечения, имеющего в Арктике огромные преимущества перед охотой, рыболовством, морским промыслом. Хорошо известно, какие жестокие голодовки временами переживали прибрежные чукчи и как выручали их родственники-тундровики, безвозмездно кормившие голодавших мясом своих оленей.

Как к залого жизни человека — с огромным почтением и с большой любовью — относятся чукчи к оленю. Пастухи знают каждого оленя «в лицо», и каждый олень в многотысячном стаде имеет свое уникальное имя — кличку, которая отражает какие-то характерные черты животного. Каждый олень — индивидуальность, и чувства пастуха к оленю в чем-то сродни родственному чувству. Особое, почти сакральное и до сих пор сохраняющееся таковым почтение испытывают к важенке — родительнице жизни [Вальгиргин, Нувано 2008, 220].

«Хороший оленевод» — оленевод опытный. Неслучайно до сих пор, представляя человека, делают особый акцент на том, что он — сын опытного бригадира такой-то оленеводческой бригады. Опытные оленеводы вместе с зоо- и ветспециалистами сохранили чукотское оленеводство в годы советской власти, несмотря на бедствия, происходившие после слома традиционной системы оборота пастбищ и маршрутов перекочевок оленьих стад, а также курса на резкое увеличение поголовья оленей, обусловивших тяжелейший кризис. Они же — опытные оленеводы — спасли чукотское оленеводство от еще более сокрушительного кризиса, когда его попытались встроить

в рыночную экономику. Именно опытные оленеводы стоят на страже этой отрасли и в наши дни.

Вот одно из ярких свидетельств: «Удивителен сам факт существования хатырского оленеводства. В 1990 годах на Чукотке в оленеводческой отрасли случился коллапс. Из почти полумиллионного стада к началу 2000 годов осталось меньше 100 тысяч. Самый значительный кризис случился в Беринговском районе: из более чем 30 тысяч оленей осталось не более 1500. От Хатырки до Анадыря оленеводство перестало существовать. Не было бы оленей и в Хатырке, если бы не бригадир одной из бригад. Он увел свое стадо с прежних пастбищ и прервал контакты с совхозом. “Убежал”. Так продолжалось несколько самых сложных кризисных лет. Потом наступили 2000 годы, к власти пришел Абрамович. Началась генеральная ревизия состояния дел в оленеводстве. Вспомнили про деда. К нему выехали правительственные эмиссары, объявили благодарность, начислили зарплату за несколько лет скитаний и вернули стадо под совхозное управление. Дед несколько лет назад умер, а дело его живет <...>, теперь у хатырчан уже три бригады» [Басов].

Опыт в тундре приобретает десятилетиями. Старшие — это опыт, а следовательно, память и связь поколений. Но от молодежи сейчас напрямую зависит сохранение чукотской оленеводческой культуры. И потому высоко ценятся молодые пастухи (а их буквально единицы), которым опыт старших не просто интересен, а по-настоящему нужен, кто готов его перенять не на время, а навсегда.

Еще одна ценность, которую в первую очередь называли почти все наши чукотские собеседники, — дети, причем, говоря о детях, они имели в виду «много детей». В семьях оленных чукчей всегда было большее количество детей [Крупник 1989, 95–96]. Установка на многодетность изначально имела функцию обеспечения стабильности сообществ. «Высокая рождаемость при ранней и очень высокой смертности вела к быстрому обновлению популяций. Именно такая возможность расширенного воспроизводства человеческих коллективов в любой, даже самый короткий отрезок времени, создавала традиционным обществам Арктики повышенный “запас прочности”» [Там же, 198].

В настоящее время на Чукотке наблюдается абсолютная убыль населения — естественная и миграционная [Опарин 2012, 203]. Уровень рождаемости падает [Там же, 205; Здоровье коренного населения Севера РФ 2013, 32–33]. Установка на многодетность в результате социальных процессов, происходящих сегодня на Чукотке, уходит. Количество рождений в группах чукотских оленеводов постепенно снижается и ныне оно никак не связано с тундрой (случаи родов в тундре единичны). Человеческого воспроизводства в тундре больше нет!

Первые советские десятилетия многие кочевники пытались уберечь своих детей от влияния «цивилизации»: «Детей в школу посылать не буду, так как им нужно учиться пасты и сохранять оленей, а в школе им делать нечего» [Райзман 2008, 99–100]. В дальнейшем проводимые советской властью «просветительско-воспитательные» мероприятия не оставили оленеводов Чукотки иного пути, кроме как подчиниться всеобщей ликвидации неграмотности и коллективизации.

В постсоветское время ценится и хорошее образование, и возвращение после интерната в тундру. «Некоторые чукчи не хотят, чтобы их дети учились. Нет, они хотят, чтобы их дети получили образование, но хотят по-особенному, по-своему» [Пуя, 20176].

Во многих отношениях российская и чукотская культуры разительно отличаются друг от друга, в ряде аспектов они просто противоположны, и до сих пор остается совершенно неясно, способны ли они в принципе приспособиться друг к другу. Одна из главных проблем состоит в том, что российская культура предполагает законодательную регламентацию почти всех сфер человеческой жизнедеятельности, причем характер этой регламентации рассчитан на оседлое население, имеющее типичный для большинства россиян набор занятий. Чукчи-олeneводы являются такими же гражданами нашей страны, как и представители любой другой национальности, а это значит, что и их жизнедеятельность должна управляться общероссийскими правовыми нормами. Однако культуру и образ жизни кочевников невозможно разумно регламентировать с помощью имеющегося в российском праве инструментария.

Эта контрверза пока остается неразрешимой и порождает множество несуразностей или даже драм и трагедий в жизни чукотских оленеводов.

«ЯДРО» ЧУКОТСКОГО НАРОДА. ОЛЕНЕВОДЫ — «ВСЕМ ЧУКЧАМ ЧУКЧИ»

Что же лежит в основе оленеводческой культуры тундры? «Для всех кочевников очень волнующий момент — начало движения караванов, когда оленеводы без видимого сожаления оставляют насиженные места и пускаются в путь, не оборачиваясь и глядя только вперед. Вот здесь заложен какой-то парадокс в сознании оленеводов. Кажется, что их жизнь ограничена жесткими рамками действительности, но на самом деле каждый оленевод совершенно свободен в своих действиях. И глядя, как оленеводы уводят свои караваны вдаль, я начинаю завидовать им, потому что в своей жизни они свободны в выборе своего пути, своей дороги. <...> Дух свободы, свободы выбора — это то последнее, что никогда не смогу отнять у оленеводов».

Тундровое оленеводство, утверждает В. В. Пуя, — «это последний якорь нашей идентичности»; «Праздники, которые проходят в поселках, где нет оленеводов. <...> Я даже камеру не включил, стыдно. Изображают только из себя аборигенов. Это коммерциализация культуры, она к добру не приводит»; «Прогнозы, что настоящую культуру, духовную жизнь, обрядовую, будут держать без оленеводов — сомнительные», «Без оленеводства наш язык исчезнет» [Пуя, 2017б].

Чукотский язык тундровиков — это язык оленеводства, имеющий великое множество специфической лексики, охватывающий широчайший спектр явлений, процессов, действий, впечатлений и т. п., которые сопряжены не только с оленями и их выпасом, но и с природным и погодным контекстом, в котором проходит жизнь тундровика (см.: [Чукотско-французско-англо-русский словарь; Наши льды, снега и ветры 2013; Куликова 2016]), и этому языку непременно нужна тундра, чтобы продолжать существовать.

«Мы сейчас реально теряем язык. В тундре уже начались необратимые процессы, а кочевники являются ядром сохранения культуры. Именно кочевники — это ядро,

там сохраняется еще язык, там сохраняются традиции. В национальных селах на чукотском языке разговаривают только люди старше 50 лет. Все, кто младше, а это 90% людей, не говорят на чукотском языке. Многие понимают, но не говорят. А в тундре всего 900 человек, из них где-то 600 спокойно разговаривают на чукотском и общаются, и думают на нем. Кочевники для нас — для чукчей — являются последним якорем нашей культуры, нашей идентичности» [Пуя, 2017б]. У них «есть <...> ощущение важности бытия, химеры нужности. А еще есть могилы предков, дело отцов, которое важно продолжать, есть осознание своей родины и блага своего народа» [Там же].

В традиционных условиях, как уже указывалось, «олeneводь не знали ужасающих голодовок, от которых периодически страдали жители береговых селений» [Крупник 1989, 85]. В период перестройки и в 1990-е гг. «многие оленеводы забивали своих оленей, чтобы прокормить родственников в селах, потому что прекратился северный завоз, люди там реально голодали. И оленеводы во многом спасали ситуацию, потому что забивали оленей» [Пуя, 2017б]. Десять лет назад: «Речь о самом забытом властью поселке. Он был бедный настолько, что спасался только тем, что пастухи привозили в него мясо и кости оленей» [Там же]. Два года назад: «Твои оленеводы нам на пороге оленину оставили» [Там же]. В наши дни: «Пастухи забивают столько оленей, сколько требуется в поселке для пропитания (для раздачи людям. — О. А.)» [Там же]. И притом оленеводы, по словам наших собеседников, — самая низкостатусная профессиональная группа на Чукотке, что выражается хотя бы в количестве получаемых за тяжкий труд денежных знаков. «Средняя зарплата оленевода составляет 19,5 тыс. руб. (средняя зарплата по экономике в ЧАО на период с января по август 2014 года — 75,026 тыс. руб.)» [Российская Арктика 2016, 177].

Жители крупных городов России уже успели забыть, что такое голод и продовольственный дефицит. На Чукотке же, в удаленных от основных городских центров селениях, до сих пор случаются катастрофические перебои в снабжении, кроме того, у многих жителей поселков просто недостает денег, чтобы покупать еду: негде

заработать, низкие заработки, неразумное расходование зарплаты, связанное с умеренным потреблением алкоголя и др. И всегда в таких случаях на помощь приходят родственники, кочующие в тундре: привозят мясо и раздают его безвозмездно.

Оленеводы помогают справиться и с другой поселковой бедой — отсутствием медицинского обслуживания. За неимением врачей и лекарств людям остается лишь уповать на шаманов и привозить «неотложку» из тундры (ведь настоящие шаманы в стационарных поселках не живут). И в немалом числе случаев это оказывается, по словам наших собеседников, весьма результативным. Порой шамана из тундры везут даже в больницу райцентра, так как врачам не под силу бывает справиться с болезнью или травмой.

«Шаманы чукчей <...> были врачами <...>. Всегда главным достоинством шамана было врачевание — изгнание из тела больного лычикэли (“духа болезни”)» [Вдовин 2008, 203]. До сих пор в среде чукчей, как оседлых, так и кочевых, широко бытует именно такое понимание причин болезней и способов их преодоления. Стало быть, одна из ключевых функций ядра — обеспечивать среду, в которой только и могут появляться и существовать шаманы.

Вот и выходит, что оленеводческое ядро — средоточие добрых надежд для тех, кто оказался вне его.

Но современные чукотские оленеводы — это отнюдь не осколок прошлого, не окаменелая архаика, это живая, динамичная, постоянно меняющаяся среда.

Оленеводы в тундре пользуются планшетами, смотрят видео на ноутбуках, снимают на видеокамеру приезд гостей, ездят из стойбища в стадо на снегоходах. Яранги, как бы они ни были хорошо приспособлены к жизни в Арктике, постепенно сменяются утепленными палатками, керкеры и кухлянки — китайскими дешевыми пуховиками, торбаса — зимними покупными сапогами и т.п. Конечно, многие из вновь вошедших в обиход тундровиков вещей хуже по качеству, чем традиционные, но зато не надо тратить время на их

изготовление, что в большинстве случаев очень трудоемко; не надо добывать и длительно обрабатывать материалы и пр. Следовательно, перед нами экономия энергии и минимизация усилий, а эти черты традиционной культуры кочевников функционально гораздо более значительны, чем употребление качественных вещей, изготовленных вручную. Парадоксальным образом сегодня оленевод на снегоходе в большей мере принадлежит кочевой культуре, чем оленевод в оленьей упряжке, потому что он (тот, что на снегоходе) стремится, как стремились многие поколения его предков, сделать оленеводческую работу наиболее быстрым и эффективным способом из тех, что ему в конкретное время доступны. Соблюдая принцип минимизации усилий, он вносит более существенный вклад в сохранение культуры своего народа в целом, чем если бы он из любви к традиции пользовался только аутентичными предметами. Он бы тогда был не оленеводом-кочевником, а коллекционером-почвенником или реконструктором (вроде тех взрослых горожан, что играют в индейцев). Но все это верно, только если оленевод продолжает быть оленеводом, т. е. пасти тысячные стада оленей в тундре.

Для сохранения ядра чукотского народа требуется постоянно, без сожаления, менять «наружные культурные слои», жертвовать ими, ради глубинных существенных ее составляющих. Отчасти, как мы видим, это уже происходит, причем не при поддержке государственных структур и во многом вопреки деятельности этих структур, а благодаря предприимчивости и самоотверженности тех, кто все еще готов зимовать в тундре, и это — на фоне пессимистических высказываний об угасании чукотского оленеводства и отсутствии у него какого-либо будущего — дает надежду. Есть люди, способные любить оленей и тундру, терпеть тяготы пастушеской жизни, работать и созидать в далекой арктической пустыне. Они отчаянно нуждаются в помощи нашего государства, российского бизнеса и просто добрых людей. Но и от них зависит многое.

Источники и материалы

Басов — Басов Е. В. Однажды на Чукотке: Блог чукотского путешественника в Живом журнале. URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/> (дата обращения: 17.11.2017).

Вахрушев 2011 — Вахрушев А. Ю. Книга тундры: Повесть о Вуквукае, маленьком камне. Д/ф. 2011.

Герасимов 1936 — Герасимов С. А. Семеро смелых. Х/ф. 1936.

Здоровье коренного населения Севера РФ 2013 — Козлов А. И., Козлова М. А., Вершубская Г. Г., Шило А. Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. Пермь, 2013.

Куваев 1980 — Куваев О. В. Правила бегства. Магадан, 1980.

Куликова 2016 — Куликова И. В. Олень — в языке, жизни и душе чукчей. СПб., 2016.

Любовцев, Симченко 1968 — Любовцев В. И., Симченко Ю. Б. Тундра не любит слых. М., 1968.

Наши льды, снега и ветры 2013 — Наши льды, снега и ветры: Народные и научные значения о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Ред. Л. С. Богословская. М.; Вашингтон, 2013.

Олень всегда прав 2003 — Олень всегда прав: Исследования по юридической антропологии / Ред. Н. И. Новикова. М., 2003.

Опарин 2012 — Опарин Д. А. Чукотский автономный округ // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М., 2012. С. 203–220.

Перепись 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 17.11.2017).

Пуя 2012 — Пуя В. В. Ловкачи. Д/ф. 2012.

Пуя 2015а — Пуя В. В. Кочевники Восточной Чукотки. Д/ф. 2015.

Пуя 2015б — Пуя В. В. Чаучу. Д/ф. 2015.

Пуя 2017а — Пуя В. В. Обучение ездовых оленей на Чукотке. Д/ф. 2017.

Пуя 2017б — Пуя В. В. Материалы из архива автора, полученные в ходе нескольких выступлений В. В. Пуя в Москве, серии нарративных интервью и переписки с ним, а также взятые на его странице в Facebook и в комментариях к его фильмам на YouTube (дата обращения: 15.12.2017).

Российская Арктика 2016 — Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В. А. Тишкова. М.; СПб., 2016.

Терешков 2018 — Терешков С. Ю. Полевые материалы сотрудника Музея кочевой культуры, собранные им в ходе экспедиции на Чукотку в начале 2018 г.

Чукотско-французско-англо-русский словарь — Чукотско-французско-англо-русский

словарь. URL: charles.weinstein.free.fr (дата обращения: 24.11.2017).

Шапран 2010 — Шапран А. Отрывки из «северного дневника». 2010. URL: <https://bird-inflight.com/>; <https://www.risk.ru/>; <https://les.media/> (дата обращения: 17.04.2018).

Исследования

Артемова 2018 — Артемова О. Ю. Настоящий охотник — бедный охотник? («Моральная экономика» и некоторые проблемы социальной эволюции) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2018. № 1. С. 77–104.

Вальгиргин, Нувано 2008 — Вальгиргин А. И., Нувано В. Н. Календарные праздники хатырских и ваежских оленеводов // Тропою Богораза: Науч. и лит. матер. М., 2008. С. 218–223.

Вдовин 2008 — Вдовин И. С. Космогонические и религиозные представления чукчей // Тропою Богораза: Науч. и лит. матер. М., 2008. С. 201–203.

Гагарин 2008 — Гагарин С. С. К вопросу об обычае «добровольной смерти» // Тропою Богораза: Науч. и лит. матер. М., 2008. С. 224–229.

Головнев 2009 — Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

Задорин 2008 — Задорин В. Н. Как чукотские пастухи управляют оленьим стадом // Тропою Богораза: Науч. и лит. матер. М., 2008. С. 69–71.

Крупник 1989 — Крупник И. И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

Лярская 2010 — Лярская Е. В. Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13 (онлайн). С. 3–38.

Помишин 1990 — Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. М., 1990.

Райзман 2008 — Райзман Д. И. Шаман был против // Тропою Богораза: Науч. и лит. матер. М., 2008. С. 95–102.

Слезкин 2008 — Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

Peterson 1993 — Peterson N. Demand sharing: Reciprocity and pressure for generosity among foragers // *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. № 4. P. 860–874.

© О. М. Аничкова, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аничкова О. М. <https://orcid.org/0000-0002-5858-3822>

Младший научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: + 7 (495) 250-61-02; e-mail: ljhex6@gmail.com

THE LAST ANCHOR OF IDENTITY. CONTEMPORARY REINDEER HERDERS OF CHUKOTKA

OLGA M. ANICHKOVA

(Russian State University for Humanities: 6, build. 2, Miusskaya sq., Moscow, 125047,
Russian Federation)

Summary. This article considers the contemporary reindeer herders of Chukotka. During the last 100 years, the policies of the Soviet and Russian governments have greatly influenced the culture, mode of subsistence, as well as the lifestyle of the indigenous peoples of the Arctic regions. During the post-war years (the late 1940s — first half of the 1960s) the forcible changes they underwent were devastating: reindeer herders were forced to enter collective and state farms (kolkhozes and sovkhoses), the reindeer were nationalized, nomads were forced into a sedentary lifestyle, and children were removed from families and put into boarding schools. Many tribulations also followed the breakup of the traditional system of pasture turnover and the closure of reindeer migration routes, and the policy of sharply increasing the number of animals led to a severe crisis. Nonetheless, experienced reindeer breeders were able to preserve Chukchi reindeer husbandry during the Soviet era and to save it from an even more crushing disaster in the new market economy. Today, not many Chukchi reindeer herders continue to use the traditional methods of raising reindeer in the tundra, but some of them still continue to work in sovkhoses and look after reindeer which they do not own. The article describes the hard life of these herders — the very people whom the Chukchi consider the “anchor” of their people — and the numerous problems which they face in today’s world.

Key words: contemporary reindeer herders of Chukotka, environment adaptation, culture transformation, value orientations, ethnic identity.

Received: May 19, 2019.

Date of publication: June 25, 2019.

For citation: Anichkova O. M. The last anchor of identity. Contemporary reindeer herders of Chukotka. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 36–49. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.2.003

References

Artemova O. Yu. (2018) Nastoyashchiy okhotnik — bednyy okhotnik? (“Moral’naya ekonomika” i nekotoryye problemy sotsial’noy evolyutsii) [The Pure Hunter is the Poor Hunter? (“Moral economy” and some problems of social evolution)]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul’turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archeology and cultural anthropology]. 2018. No. 1. Pp. 77–104. In Russian.

Valgirgin A. A., Nuvano V. N. (2008) Kalendarnye prazdniki khatyrskikh i vaezhskikh olenevodov [Calendar holidays of Khatyr and Vayazh reindeer herders]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy [The path of Bogoras. Research and literary materials]. Moscow. Pp. 218–223. In Russian.

Vdovin I. S. (2008) Kosmogonicheskie i religioznye predstavleniya chukchey [Cosmogony and religious representations of the Chukchi]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy [The path of Bogoras. Research and literary materials]. Moscow. Pp. 201–203. In Russian.

Gagarin S. S. (2008) K voprosu ob obyche “dobrovo l’noy smerti” [On the custom of the ‘voluntary death’ (among the Chukchi)]. In:

Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy [The path of Bogoras. Research and literary materials]. Moscow. Pp. 224–229. In Russian.

Golovnev A. V. (2009) Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii) [Anthropology of movement (antiquities of North Eurasia)]. Yekaterinburg, 2009. In Russian.

Zadorin V. N. (2008) Kak chukotskie pastukhi upravlyayut olen’im stadom [The methods used by Chukchi herdsmen for management of reindeer herds]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy [The path of Bogoras. Research and literary materials]. Moscow. Pp. 69–71. In Russian.

Krupnik I. I. (1989) Arkticheskaya etnoekologiya. Modeli traditsionnogo prirodopol’zovaniya morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoy Evrazii [Arctic Ethnoecology. Models of traditional resource use among of sea hunters and reindeer herders of Northern Eurasia]. Moscow. In Russian.

Lyarskaya E. V. (2010) Zhenshchiny i tundra. Gendernyy sdvig na Yamale? [Women and the tundra. Is there a gender shift on Yamal?]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2010. No. 13 (online). Pp. 3–38. In Russian.

Pomishin S. B. (1990) Proiskhozhdenie olenevodstva i domestikatsiya severnogo olenya [The origin of reindeer herding and reindeer domestication]. Moscow. In Russian.

Rayzman D. I. (2008) Shaman byl protiv [The shaman was against it]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy [The path of Bogoras. Research and literary materials]. Moscow. Pp. 95–102. In Russian.

Slezkin Yu. (2008) Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow. In Russian.

Peterson N. (1993) Demand sharing: reciprocity and pressure for generosity among foragers. *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. No. 4. Pp. 860–874. In English.

© O. M. Anichkova, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Olga M. Anichkova <https://orcid.org/0000-0002-5858-3822>

E-mail: ljhex6@gmail.com

Tel.: +7 (495) 250-61-02

6, build. 2, Miussskaya sq., Moscow, 125047, Russian Federation

Junior Researcher of the Teaching Scientific Center of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)